

На правах рукописи

**Никольский
Иван Михайлович**

**ОБРАЗ ПРАВИТЕЛЯ В СОЧИНЕНИЯХ
РАННЕХРИСТИАНСКИХ ИСТОРИКОВ
(НА ПРИМЕРЕ «О СМЕРТЯХ ГОНИТЕЛЕЙ»
ЛУЦИЯ ФИРМИАНА ЛАКТАНЦИЯ)**

Специальность 07.00.03. – всеобщая история
(средние века)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва–2011

Работа выполнена в Учебно-научном центре антиковедения
Института Восточных культур и Античности Российского
государственного гуманитарного университета

Научный руководитель

доктор исторических наук
ПОДОСИНОВ Александр Васильевич

Официальные оппоненты

доктор исторических наук, профессор
БУДАНОВА Вера Павловна

доктор исторических наук, профессор
ШКАРЕНКОВ Павел Петрович

Ведущая организация – Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова

Защита состоится « » _____ 2011 г. в 11 час. 00
мин. на заседании диссертационного совета Д 002.249.01 при
Институте всеобщей истории РАН по адресу: 119334 Москва,
Ленинский проспект, 32а, ауд. 1406

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института
всеобщей истории РАН

Автореферат разослан « » января 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук

Н.Ф. Сокольская

Общая характеристика работы

Рубеж III – IV вв., становление домината при Диоклетиане и Константине традиционно вызывает высокий и вполне объяснимый интерес у исследователей, как любая переходная эпоха в истории. В жизни римского общества происходили значительные перемены: установление тетрархии и ее скорое крушение, приход к власти Константина, объединение империи под его единоличной властью, легализация христианства – все, что заложило основы последнего этапа истории Римской империи¹. Этот период не мог остаться без внимания мыслителей, в том числе широко известных за пределами круга специалистов по античной истории: Э. Гиббона², Ф. Гизо³, Т.Н. Грановского⁴, Т. Моммзена⁵, Я. Буркхардта⁶. То, что эти имена относятся к XVIII – XIX вв., не должно вводить в заблуждение: интерес исследователей к тетрархии, перевороту и правлению Константина Великого не угасал на протяжении XX столетия, и продолжает сохраняться по сей день. Особенно актуальным изучение данного периода выглядит для исторической науки России и других стран постсоветского пространства, в которых после многих лет молчания и незаслуженного игнорирования рассматриваемой эпохи на рубеже 1990-х – 2000-х гг. стали регулярно выходить оригинальные работы, переводы источников и зарубежных монографий. В 1999 году в Москве и Харькове соответственно вышли работы И.О. Князьского и И.П. Сергеева, посвященные первым тетрархам и кризису III в.⁷ В 2003 г. на русском языке был издан труд Я. Буркхардта «Век Константина Великого», в 2004 г. – исследование Дж. Бейкера о Константине⁸, в 2005 г. – работа Д. ван Берхема «Римская армия в эпоху Диоклетиана и Константина»⁹. Впервые с XIX в. вышла монография о христианском апологете Лактанции, чье произведение «О смертях

¹ Хронологические рамки домината традиционно определяются как 285 г., начало правления Диоклетиана, и 476 г. – последний год существования империи.

² Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. СПб., 1997. Т. 1. С. 201–348, 349–419.

³ Гизо Ф. История цивилизации в Европе. М. 2007. С. 37–62.

⁴ Грановский Т. Н. Лекции по истории средневековья. М., 1961. С. 51–52.

⁵ Моммзен Т. История Рима. Т. 5. М., 1949.

⁶ Буркхардт Я. Век Константина Великого. М., 2003.

⁷ Князьский И. О. Император Диоклетиан и конец античного мира. М., 1999; Сергеев И. П. Римская империя в III в. нашей эры. Харьков, 1999.

⁸ Бейкер Дж. Константин Великий. Первый христианский император. М., 2004.

гонителей» изучается в данной работе¹⁰. Автор исследования В.М. Тюленев, кроме того, перевел это сочинение, а также целый ряд других трудов Лактанция¹¹.

Кроме того, необходимо отметить, что изучение античной литературы как средства репрезентации политической идеологии, в частности, в древнем Риме на сегодняшний день является одним из магистральных направлений в исследовательской литературе. Авторы значительного количества вышедших в последние годы работ по римской истории формулируют проблемы именно таким образом¹².

Степень изученности темы. Рассматриваемый период истории Рима к настоящему времени изучен достаточно полно. Работы, так или иначе затрагивающие его, созданные за более, чем двухсотлетнюю историю изучения, с трудом поддаются исчислению. Можно назвать огромное количество работ, в первую очередь относящихся к зарубежной историографии, в которых рассматриваются различные аспекты кризиса III в. и складывания системы домината. Среди наиболее крупных и известных из них можно выделить труды Г. Ферреро и О. Зеэка, в которых правление Диоклетиана и Константина рассматривается через призму заката Римской империи¹³, исследования А. Шастаньоля, В. Сестона, Р. Макмюллена, Т. Барнса, в которых обсуждаются проблемы ответа империи на вызовы кризиса III в.¹⁴, работы А.

⁹ ван Берхем Д. Римская армия в эпоху Диоклетиана и Константина. СПб., 2005.

¹⁰ Тюленев В. М. Лактанций. Христианский историк на перекрестке эпох. СПб., 2000.

¹¹ Лактанций. О творении Божиим. О гневе Божиим. О смерти гонителей. Эпитомы Божественных установлений. СПб., 2007. *Он же*. О смертях преследователей. СПб., 1998. *Он же*. Божественные установления. Книги I–VII. СПб., 2007.

¹² См. напр.: Шалимов О. А. Образ идеального правителя в Древнем Риме в середине I – начале II в. н. э. М., 2000; Шкаренков П. П. Королевская власть в Остготской Италии по “*Variae*” Кассиодора: миф, образ, реальность. М., 2003; *он же*. Образ власти на рубеже античности и средневековья: от Империи к варварским королевствам. Автореф. диссерт. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. (На правах рукописи). М., 2009.

¹³ Ferrero G. La ruine de la civilisation antique. Paris, 1921; Seock O. Geschichte des Untergangs der antiken Welt. Bd. 1. Berlin, 1910.

¹⁴ Barnes T. D. The new Empire of Diocletian and Constantine. Cambridge, 1982; Chastagnol A. L'évolution politique, sociale et économique du monde romain de Diocletien a Julien. Paris, 1982. P. 37–131; MacMullen R. Roman government's response to crisis A.D. 235–337. New Haven and London, 1976; Seston W. Diocletien et la tetrarchie Vol. I. Guerres et reformes. Paris, 1946. Об этом см. также: Cameron Av. The later roman Empire. Cambridge,

Пиганьоля и Й. Фогта, сконцентрированные на личности Константина Великого¹⁵.

В отечественной историографии до последнего времени указанному периоду уделялось значительно меньшее внимание. Кроме работ М. Ростовцева¹⁶, которого можно отнести к ней лишь с большими оговорками – после эмиграции ученый работал и издавался исключительно за рубежом – и Е.М. Штаерман¹⁷, здесь сложно найти фундаментальные исследования по истории рассматриваемого периода.

Необходимо отметить, что в центре внимания ученых применительно к рассматриваемому периоду стояли в основном аспекты политической, экономической и социальной истории Рима в рассматриваемый период. В то же время очень небольшое внимание в историографии уделено тому, как в условиях смены политической обстановки трансформировалось ее *восприятие* у современников, поменялась ли политическая идеология и ее основные источники, которыми применительно к позднеримской традиции в целом можно считать исторические сочинения, биографии императоров и панегирики, как эволюционировали эти жанры под влиянием событий начала IV в. Ответы на эти вопросы невозможно найти ни в исследовательской литературе по политической истории Рима, ни в работах, в которых основной акцент сделан на изучении источников, в частности – сочинения Луция Фирмиана Лактанция (ок. 260 – ок. 325) «О смертях гонителей» (*De mortibus persecutorum*; далее – *DMP*), наиболее репрезентативного в отношении заявленной в диссертации проблемы.

В основном исследователей волновали проблемы авторства *DMP* (С. Брандт¹⁸, Б. Альтанер¹⁹, О. Барденхеве²⁰, К. Шнайдер²¹,

1993; Downey G. The Late Roman Empire. New-York, 1969. P. 4–9; Firth J.B. Constantine the Great. The reorganisation of the Empire and the triumph of the church. New-York, London, 1965; Millar F. The Roman Empire and its Neighbours. New-York, 1967. P. 239–248; Petit P. Histoire generale de l'empire Romain. Paris, 1974. P. 445–524; ; Корсунский А. П. Гюнтер П. Упадок и гибель Западной Римской империи. М., 1984.

¹⁵ Piganiol A. L'empereur Constantin. Paris, 1932; Vogt J. Constantin der Grosse. München, 1960.

¹⁶ Rostovtzeff M. Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford, 1957.

¹⁷ Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957.

¹⁸ Brandt S. Über den Verfasser des Buches “De Mortibus Persecutorum” // Neue Jahrbücher für Philologie und Pädagogik. Bd. 147. 1893. S. 121–138.

С. Росси²²), датировки произведения (О. Зеек²³, Й. Фогт²⁴, В. Сестон²⁵, Т. Барнс²⁶) и, отчасти, источников «О смертях» (Г. Силомон²⁷, Ж. Моро²⁸, А. Христенсен²⁹).

Новизна диссертационного исследования состоит в том, что в нем впервые как в отечественной, так и зарубежной историографической традиции подробно

изучаются *средства*, с помощью которых создавались образы императоров, являющихся центром повествования Лактанция;

анализируются *цели* создания этих образов;

исследуется *соотношение* концепций Лактанция с предыдущим и последующим опытом репрезентации политической идеологии в античном историописании.

Объектом исследования данной диссертационной работы является христианская латинская литература начала IV в., в частности, произведение «О смертях гонителей» Луция Фирмиана Лактанция, рассматриваемое как самостоятельное средство репрезентации императорской власти.

Предмет исследования – идеология императорской власти в раннехристианской латинской исторической прозе эпохи перелома Константина Великого, сформулированная в произведении Лактанция «О смертях гонителей»

Главная цель диссертационного исследования состоит в изучении изменений позднеантичного историописания как одной из важнейших составляющих политической идеологии в условиях перехода от принципата на примере сочинения Лактанция «О смертях гонителей».

Задачами диссертационного исследования являются:

¹⁹ Altaner B. Patrologie. Leben, Schriften und Lehre den Kirchenväter. Freiburg, 1913. Bd. 3. S. 112.

²⁰ Bardenhewer O. Geschichte der altkirchlichen Literatur. Bd. 3. Freiburg, 1913. S. 485.

²¹ Schneider C. Geistgeschichte der christlichen Antike. München, 1956. S. 454.

²² Rossi S. Il concetto di “storia” e la prassi storiografica di Lattanzio e del “de mortibus persecutorum” // Giornale italiano di filologia. Vol. 14. 1961. P. 193–213.

²³ Seeck O. Op. cit. S. 457–461.

²⁴ Vogt J. Op. cit. 1960. S. 162.

²⁵ Seston W. Op. cit. P. 26–27.

²⁶ Barnes T. D. Lactantius and Constantine // JRS Vol. 63 (1973) P. 29–46.

²⁷ Silomon H. Laktanz de Mortibus Persecutorum // Hermes. Bd. 47, Hft. 2. 1912. S. 250–275; *Id.* Untersuchungen zur Quellengeschichte der Kaiser Aurelian bis Constantius // Hermes Bd. 49. 1914. S. 538–580.

²⁸ Moreau J. Lactance. De la Mort des Persécuteurs. Paris, 1954. I. P. 44.

²⁹ Christensen A. S. Lactantius the Historian. An Analysis of the De Mortibus Persecutorum. Copenhagen, 1980.

- анализ целей, структуры *DMP* в контексте позднеантичного историописания;
- изучение источниковой базы сочинения Лактанция;
- исследование средств создания образов императоров и их сопоставление с существовавшей традицией изображения правителей в позднеантичном историописании.

Хронологические рамки работы определяются комплексным характером диссертационного исследования. В первую очередь, это время зарождения доминанта, рубеж III – IV вв. Однако нельзя забывать о том, что предметом изучения в работе является эволюция исторической мысли, т. е. процесс, относящийся к познавательной сфере, характеристики и содержание которого формируются и видоизменяются на протяжении длительного времени. Их корректное рассмотрение и оценка возможны только в исторической ретроспективе и перспективе. Это предопределило активное привлечение источников, относящихся как к более ранним эпохам: времени принципата и классической античности, так и более поздним: последнему веку существования Римской империи и раннему Средневековью.

Структура работы определяется ее целями и задачами. Основная часть диссертационного исследования состоит из четырех глав. В первой главе, «О смертях гонителей» в традиции позднеантичного историописания», исследованы цели и структура *DMP* и проведено его сравнение по этим параметрам с другими схожими по жанру произведениями. Вторая глава, «Источники Лактанция», отвечает на вопрос о возможных источниках произведения. Главы третья – «Идеальный правитель Лактанция – образ Константина» и четвертая – «Тираны Лактанция» – посвящены реконструкции представлений автора «О смертях» об идеале и анти-идеале императора. Как видно из названий глав, одна из них посвящена реконструкции образа идеального правителя у Лактанция, а другая – реконструкции образа правителя-тирана. Кроме этого, диссертация состоит из введения, заключения, списка сокращений, списка использованных источников и исследовательской литературы, а также приложения – перевода с латинского языка на русский фрагментов сочинения Лактанция «О смертях гонителей».

Актуальность данного диссертационного исследования определяется самой логикой развития исторической науки и связана с тем, чтобы выявить *восприятие* исторической «действительности» в определенной социальной среде. В частности, в определении того, как воспринималась императорская власть ранними христианами, а именно, Лактанцием.

Можно отметить, что подобные формулировки научных проблем составили целое направление в современной историографии, в котором исторический источник рассматривается не как слепок с реальности, а как ее «зеркало», образ, сконструированный из разного рода формул и шаблонов. Работа с текстом не просто как с инструментом поиска информации, но как с самостоятельным объектом исследования, имеющим самостоятельную ценность как памятник идеологии, требующим определенной «расшифровки», обретает все большую популярность в сегодняшней исторической науке³⁰.

Методологической основой диссертации послужили традиционные историографические и общеисторические методы. Диссертационное исследование основано на методологических принципах, концепциях, теоретических моделях и технических приемах, выработанных в рамках компаративной истории, которые в сочетании с традиционными текстологическими и герменевтическими методами анализа текста и позволяют наиболее результативно решить поставленные исследовательские задачи. Решение основных задач, поставленных перед диссертационным исследованием, предполагает активное использование методов компаративного анализа. В данном случае его применение состоит в нахождении сюжетных и терминологических параллелей в традициях, на которые мог опираться Лактанций, или с которыми его труд можно сопоставить – то есть, в первую очередь, в традициях христианского и языческого историописания. Термин «историописание» мы используем для характеристики способов и форм фиксации прошлого в период становления исторической дисциплины.

Источниковая база исследования. Кроме самого сочинения Лактанция «О смертях гонителей», стоящего в центре исследования, можно условно выделить две большие группы источников. Первую из них составляют произведения авторов, принадлежащих к раннехристианской традиции, с которыми Лактанций сопоставляется как историк и как идеолог. Это труды апологетов II – III вв. Тертуллиана, Арнобия, историков IV – V вв.

³⁰ См. напр.: *Лучицкая С. И.* Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001; *Шалимов О. А.* Образ идеального правителя в Древнем Риме в середине I – начале II в. н. э. М., 2000; *Шкаренков П. П.* Королевская власть в Остготской Италии по “*Vagiæ*” Кассиодора: миф, образ, реальность. М., 2003; *он же.* Образ власти на рубеже античности и средневековья: от Империи к варварским королевствам. Автореф. диссерт. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. (На правах рукописи). М., 2009.

Евсевия Кесарийского, Сократа Схоластика, Эрмия Созомена, Иеронима, Руфина, Павла Орозия. Сюда же можно отнести тексты Священного Писания. Ко второй группе относятся сочинения языческих авторов. В первую очередь, это работы историков, начиная от авторов I – II вв., современников принципата, «ранней империи», Тита Ливия, Тацита, Светония заканчивая писателями, жившими уже во второй половине IV в. – Аврелием Виктором, Евтропием, *SHA*. Кроме того, в качестве источников активно привлекаются произведения других крупнейших античных авторов, с чьими текстами, судя по ссылкам, данным самим Лактанцием, он должен был быть знаком и которые могли оказать значительное влияние на формирование его мировоззрения. Это труды Цицерона, Вергилия, Овидия и других классиков античной литературы.

Практическая значимость. Практические результаты исследования могут быть использованы при разработке общих курсов по античной культуре, литературе, истории древней Греции и Рима, специальных курсов по источниковедению античности, истории античной историографии, истории церкви, и при написании соответствующих учебных пособий.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на совместном заседании Центра истории исторического знания, Центра античной истории и Отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени ИВИ РАН. Результаты исследования отражены в публикациях автора: статьях, в том числе в изданиях, включенных в перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, рекомендуемых ВАК, а также материалах конференций, проходивших в ИВИ РАН и в Тартуском университете.

Основное содержание работы

Во **Введении** сформулированы цели и задачи работы, методы анализа, принятые в ней, перечислены основные использованные в диссертации источники. Здесь также приведен обзор историографии – как общей по рассмотренному периоду, так и по проблемам, связанным с главной целью работы: с личностью автора *De mortibus persecutorum*, авторством источника, его датировкой и жанром.

В **первой главе** («*De mortibus persecutorum* в традиции позднеантичного историописания») был проведен подробный анализ произведения, целью которого было определить место сочинения Лактанция в позднеантичном историописании и литературе в целом. С этой целью проведено исследование цели и

задач, стоявших перед автором «О смертях» (параграф *«Цели и задачи произведения»*). В параграфе был сделан вывод о том, что автор стремился создать именно историческое произведение, зафиксировав в первую очередь современные ему события, чтобы потомки смогли с ними ознакомиться, а будущие историки не «погрешили бы против истины». Кроме того, как и многие другие античные историки, например, Тит Ливий, Полибий или Тацит, автор «О смертях» следовал цicerоновскому принципу «история – учительница жизни», сформулировав в качестве основных также дидактические цели своего труда: показать на примере римских императоров разных времен образцы «правильного» и «неправильного» поведения.

Также для установления места произведения «О смертях» в исторической прозе поздней античности в работе была изучена структура сочинения Лактанция (параграф *«Структура «О смертях гонителей»*). Были детально рассмотрены такие аспекты, как динамика и ход повествования, принцип отбора сведений автором сочинения, организация времени в произведении. По этим параметрам было проведено сравнение «О смертях гонителей» с произведениями как языческих авторов: Аврелия Виктора, Евтропия, писателей «истории Августов», так и христианских: Евсевия Кесарийского, Сократа Схоластика, Эрмия Созомена, Августина, Орозия.

В ходе рассмотрения данного вопроса выяснилось, что по своей структуре текст Лактанция ближе к традиции римского языческого историописания, чем христианского. В отличие от христианских историков, ставивших в центр повествования, как правило, события истории церкви, автор «О смертях» сконцентрировался на истории «светской»: он описывает политические интриги, военные столкновения, подробно рассказывает о налоговой политике, репрессиях императоров. При том, что основное место в произведении уделено «великому гонению», принципиально важному этапу в истории именно христианства, эти события описаны в «О смертях» не с точки зрения историка церкви, историка христианства, как, например, в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского, а с точки зрения творца политической истории.

Главный вывод, который был сделан в данной главе, таков: «О смертях гонителей» занимает особое, совершенно уникальное место в позднеантичной литературе: сочетая в себе черты как языческой, так и христианской исторической прозы, оно не набирает достаточного количества признаков, которые говорили бы о его полном сходстве с одной или другой из них.

Сам предмет повествования – события прошлого, зафиксированные для потомков, его манера изложения в дидактическом ключе – уже поставили сочинение Лактанция в один ряд с другими памятниками античной исторической литературы. Но в то же время, как по своей основной теме, так и по структуре, произведение Лактанция не имеет аналогов в более или менее современной ему литературе такого рода. «О смертях» не настолько сосредоточено вокруг событий истории церкви, чтобы можно было причислять его к этому жанру. С другой стороны, сочинение Лактанция по масштабам, по широте охвата, в первую очередь, хронологического, совершенно несопоставимо с «универсальной историей» Павла Орозия или Сульпиция Севера. Очень сильный акцент на политических событиях, на личностях императоров и особенности построения хронологии сблизил *DMP* с языческой традицией историописания – но даже если можно было бы попытаться поставить «О смертях» в общий ряд с ней, произведение Лактанция все равно будет выглядело бы особняком, благодаря своей структуре с очень своеобразной организацией времени и столь же своеобразной логикой в изложении событий. Ни один историк того времени не мог позволить себе описать примерно 300-летний период таким образом, чтобы события последних десяти лет занимали практически в семь раз больше места, чем события предыдущих 290, к тому же с такими, как у Лактанция, неопределенными, ничем не обозначенными временными разрывами и несоблюдением как тематической, так и хронологической последовательности. По своему устройству, по крайней мере, по внешним признакам оно совершенно оторвано как от языческой, так и от христианской латинской исторической литературы, на которую куда большее влияние оказали «восточные» авторы, в первую очередь, Евсевий, нашедший продолжателей и подражателей не только в лице малоизвестных историков церкви Сократа Схоластика, Эрмия Созомена, но и в лице хронистов Иеронима и Руфина, фактически определивших появление жанра хроники, одного из самых популярных в Средние века.

По итогам анализа возможных целей, стоявших перед Лактанцием при написании «О смертях», принципа отбора сведений автором и структуры источника была выдвинута гипотеза, что писатель мог ориентироваться в первую очередь не на христианскую аудиторию, а на языческую, или, по крайней мере, на аудиторию, разделяющую традиционные римские ценности. Косвенно об этом свидетельствовал специфический для христианского историка принцип отбора сведений: *De moribus*

persecutorum значительно в большей степени сконцентрировано вокруг событий «светской истории», чем вокруг истории церкви, то есть вокруг вещей, близких и понятных более широкому кругу читателей, чем если бы это были только христиане. Собранный материал Лактанций выстраивал таким образом, чтобы описанные им события вызвали одинаковую оценку у христиан и у остальной части римского общества: одной из его основных задач было показать, что то, что плохо для христиан, плохо для всех римлян.

Во **второй главе** («*Источники Лактанция*») цель установить степень близости сочинения Лактанция к христианской или языческой традиции была достигнута путем постановки вопроса об источниках *De mortibus persecutorum*: насколько широким был их спектр, насколько в нем были представлены христианские авторы, а насколько – языческие. Сложность в данном случае состояла в том, что сам автор на свои источники практически не ссылается, давая исследователям почву скорее для гипотез, чем для уверенных выводов. В какой-то степени, впрочем, задачу поиска источников облегчило наличие крупной работы А. Христенсена «Лактанций как историк»³¹, единственной монографии, в большой степени посвященной этой проблеме и рассматривающей ее досконально и со всех сторон. Но и вклад датского исследователя нельзя назвать исчерпывающим: далеко не все аспекты вопроса источников «О смертях» в его работе были проработаны до конца, – в частности, вопрос возможного взаимодействия между Лактанцием и его современником Евсевием Кесарийским был хотя и поднят в работе, но не рассмотрен в достаточной мере.

В контексте же настоящего исследования вопрос, как соотносится творчество Евсевия, оказавшего значительное влияние на христианскую историческую прозу, и Лактанция как историка, являлся одним из самых принципиальных и значимых для выяснения места последнего в традиции христианского историописания.

Это нашло отражение в структуре главы. Первый из ее параграфов («*Лактанций и Евсевий*») полностью посвящен выяснению того, мог ли автор *DMP* пользоваться «Церковной историей» Евсевия. Во втором параграфе («*Другие возможные источники Лактанция*») были предложены возможные варианты того, какими еще источниками мог пользоваться Лактанций при написании «О смертях».

³¹ Christensen A. S. Lactantius the Historian. An Analysis of the De Mortibus Persecutorum. Copenhagen, 1980

Проведенная в данной главе работа в целом, хотя и не во всех частностях, подтвердила правоту А. Христенсена. Во-первых, по всей видимости, Лактанций не пользовался «Церковной историей» Евсевия: рассказывая об одних и тех же событиях, авторы по-разному расставляли акценты, и иногда расходились в деталях. Во-вторых, стало очевидным, что источник у Лактанция был не один. Источники выбирались им в зависимости от времени, о котором идет речь. С ответом на вопрос, откуда именно брал материал автор «О смертях», дело обстояло значительно сложнее. Это могли быть сочинения Светония, Тертуллиана, Писание, книги Сивилл, если говорить о наиболее раннем периоде, описываемом в произведении, охватывающем правление Нерона и Домициана. Что касается более поздних событий, происходивших во времена Деция, Валериана, Аврелиана, здесь автор *De mortibus persecutorum* мог пользоваться материалами неких несохранившихся произведений, на которые впоследствии опирались и более поздние авторы IV в. – однако, вовсе не очевидно, что это была, как утверждал А. Христенсен, *Enmann's Kaisergeschichte*: такая гипотеза могла бы иметь право на жизнь, только если считать, что существовала ее редакция, которая была написана раньше предлагаемых большинством исследователей 337 и 357 гг. Проблематичнее всего было ответить на вопрос, какими источниками пользовался историк для описания современных ему событий. Поскольку никаких ссылок сам автор здесь не приводил (если не считать документальных источников – приведенных им эдиктов Галерия и Константина), а с материалом живших и писавших в то же время авторов, в частности, Евсевия, его сведения часто расходились, возможным оказалось лишь предположить, что главным источником здесь для Лактанция послужили собственные впечатления и, возможно, устные сообщения современников.

Манера работы Лактанция с источниками соответствовала, по крайней мере, по форме, тому, как с ними работали античные историки: здесь присутствуют, хоть и достаточно редко, и в основном в риторических целях, ссылки на источники; текст некоторых из них приведен целиком.

Источники, к которым обращался автор *DMP*, достаточно разнородны и по жанрам, и по религиозной окраске: христианская апологетика сочеталась с биографическими зарисовками языческих писателей, чередуясь с впечатлениями, рассказами, услышанными самим историком, и с чисто литературными произведениями, цитаты из которых были использованы здесь для того, чтобы риторически обогатить текст. Это вполне

соответствовало характеру и духу произведения Лактанция, в котором, как уже можно было убедиться на примере его структуры, христианское начало соседствует с языческим, не позволяя отнести текст ни к одной, ни к другой традиции.

Третья глава работы («*Тираны Лактанция*») была посвящена реконструкции построенного автором *ДМР* портрета правителя (в данном случае, дурного) и определению его места в системе образов императорской власти, созданных в литературе, относительно современной жизни христианского историка. Структура главы была обусловлена особенностями самого произведения Лактанция. Главные герои «О смертях» – это именно императоры-тираны, их судьба была поставлена в центр повествования, но при этом, несмотря на то, что в целом о них здесь было сказано много, характеристика каждого из них в отдельности оказалась достаточно скупой. Таким образом, единственным способом понять, какими чертами должен обладать в представлении христианского историка дурной правитель, стало создание собирательного образа тирана на основе того, что писал Лактанций о своих «отрицательных» героях.

В первом параграфе главы («*Эпитеты как средство создания образа*») проанализированы определения, которые автор дал своим героям: *tyrannus*, *impius*, *nefarius*, *bestia*, *pestifer* и других; рассмотрено употребление этих терминов в языческой и христианской традиции. В условиях отсутствия сколь-нибудь подробной характеристики Лактанцием правителей как личностей, как политиков, понимание того, какой смысл заложен в отдельных словах, отдельных эпитетах, явилось ключевым для понимания концепции власти Лактанция в целом.

По итогам рассмотрения и обобщения значений, в которых эпитеты, наиболее часто употреблявшиеся Лактанцием для обозначения «отрицательных» персонажей, фигурировали у римских авторов, в параграфе был сделан вывод, что этот терминологический набор сводится к двум основным смыслам. С одной стороны, соответствующими определениями в античной традиции назывались те, кто совершил сакральное или тяжкое, из ряда вон выходящее преступление – выступил против богов, совершил инцест или отцеубийство. С другой стороны, так обозначались те, кто совершил политическое преступление: задумал заговор или развязал гражданскую войну. Употребление автором «О смертях» таких «двусмысленных» эпитетов уже, хотя бы и косвенно, указывало на то, что при создании образов правителей он не ограничивался отдельно политической или

религиозной составляющей, а стремился объединить их в один комплекс.

Дальнейший анализ данной Лактанцием своим персонажам характеристики (параграф «*Тираны Лактанция как личности*») лишь убедил в том, что для автора *ДМР* важна как позиция императора относительно церкви, религиозная принадлежность, так и основные аспекты государственной политики правителя в целом, а также его черты как личности. При этом в оценке деятельности своих героев писатель продемонстрировал взгляд скорее не христианина, а римлянина: несмотря на то, что тиран Лактанция – в первую очередь, гонитель церкви, устраивающий репрессии против христиан, набор качеств, которыми в его представлении должен быть наделен такой правитель, получился вполне традиционным и для языческой литературы. Это неумеренно жестокий, развратный человек, терроризирующий своих подданных, тяготеющий к узурпации власти.

Подробное описание смертей таких императоров, сделанное в дидактических целях, как следует уже из названия, заняло в сочинении Лактанция важное место. По итогам его рассмотрения был сделан вывод о том, что изображение гибели тиранов продемонстрировано в определенном свете намеренно, чтобы вызвать у читателя определенный ассоциативный ряд, корни которого лежат в античной языческой и христианской, а также в библейской традиции. Кроме того, было сделано важное наблюдение о том, что факт мучительной или позорной смерти воспринимался Лактанцием как воздаяние за преступления, совершенные императорами, в частности, против христиан.

Общие выводы, сделанные в главе, таковы. «Усредненный» портрет дурного правителя в целом, исходя из того, какими гонителей видел Лактанций, имел немало общих черт с «тиранами», о которых писали языческие писатели, как современные автору, так и более ранние. Показать, что эти правители – развратные, жестокие люди, тираны и в общем представлении, а не только в религиозном аспекте, что жертвами их произвола могут стать не только христиане, но и «обычные» римляне, было для автора, по крайней мере, не менее важно, чем рассказать собственно о гонениях на церковь. Характерным был и набор эпитетов, которые Лактанций применял по отношению к своим героям, соединяя религиозную и политическую критику: в Риме эти слова, по крайней мере, со времени Цицерона, несли двойную смысловую нагрузку. Чертой, типичной для христианской литературы, не считая того, что автор акцентировал внимание на репрессиях против церкви, была лишь идея о

возмездии каждому императору за его грехи, в том числе в земной жизни. В остальном, изображенные Лактанцием дурные правители были описаны таким образом, что должны были вызвать негативную реакцию не только христианской, но и римской аудитории в целом.

В четвертой главе (*«Идеальный правитель Лактанция – образ Константина»*) был рассмотрен созданный в ДМР как противовес императорам-гонителям образ императора-защитника церкви, Константина Великого. Он сыграл в произведении роль положительного персонажа, примера для подражания. При построении его образа автор прибег к другим средствам, нежели говоря о дурных правителях. Здесь не было характеризующих его эпитетов, которые постоянно повторялись бы, как в случае с отрицательными героями; в центре стоят его качества, человеческие и политические добродетели. Так что глава была сосредоточена на анализе созданного Лактанцием портрета Константина как личности и Константина как политика (параграфы *«Константин – претендент на престол»*, *«Константин на престоле»*). Была отмечена важность для создания образа идеального правителя такой черты, как происхождение, в связи с чем проанализирован образ Констанция, отца Константина. Образ Константина был сопоставлен с образами других императоров, которые получили положительную характеристику у античных авторов: биографов, историков, панегиристами; были сопоставлены методы создания такого образа в различных произведениях, среди которых *«О Цезарях»* Аврелия Виктора, *«Бревиарий»* Евтропия, сборник *«Писатели истории августов»*, *«Церковная история»* и *«Жизнь Константина»* Евсевия Кесарийского. Поскольку в этих трудах был упомянут и Константин, избежать сравнений между изображениями автора Миланского эдикта в разных сочинениях было бы невозможно; и в работе были сделаны некоторые замечания относительно сходств и расхождений в оценке императора в разных произведениях.

В конечном итоге при рассмотрении портрета Константина в изображении Лактанция был сделан вывод: христианство присутствует здесь только номинально, как оболочка, в которую заложены вполне традиционные римские добродетели, фигурирующие практически во всех сочинениях языческих авторов конца III–IV вв., описывающих жизнь и деятельность императоров. Это «правильное» происхождение, красивая внешность, военная доблесть и удача, подкрепленная помощью со стороны божественной силы; любовь и расположение народа, сената и войска, скромность, отсутствие чрезмерных амбиций и

уважение к старшим. Черт христианского императора – даже почитаемого, в том числе и язычниками, милосердия – в Константине Лактанция практически не оказалось; приверженность автора к христианству здесь выдала себя только тем, что ко всем прочим, вполне «языческим» чертам правителя была добавлена защита и поддержка церкви, а также явлением чудес и знамений герою «О смертях преследователей», что, как идеологический прием, было характерно для традиции скорее христианского, а не языческого историописания.

Раннехристианский историк последовательно создавал портрет правителя, ориентируясь на представления не только и не столько христианской аудитории, сколько «общей» римской: большинство качеств, отмеченных Лактанцием, выделяли при характеристике императоров и его современники, в основном языческие авторы.

«Римское» начало в произведении Лактанция превалировало над «христианским»: вполне традиционные для античности индикаторы добродетельности, такие, как внешняя красота, военная доблесть или происхождение доминировали над христианскими, например, милосердием.

Такому положению были найдены два объяснения. С одной стороны, христианские представления об идеальном правителе еще не были разработаны к моменту написания «О смертях» в апологетической литературе, с другой стороны христианские ценности не утвердились в литературе того времени в целом – на это потребовались столетия. Лактанций, не будучи настолько самостоятельным, чтобы разработать новую концепцию императорской власти, действовал в рамках традиционных языческих представлений, лишь добавив к ним в качестве дополнительного критерия отношение правителя к церкви. Однако, возможно, это было не единственной причиной – Лактанций, как уже отмечалось в первой главе, вполне вероятно, стремился не ограничиваться христианской аудиторией и пытался доказать, что гонители церкви – враги всего римского народа, а ее союзники – наоборот, правители, достойные во всех отношениях.

В Заключении были подведены общие итоги работы. Главный вывод, сделанный в работе, был сформулирован следующим образом. Латинская христианская традиция историописания на стадии, рассмотренной в работе, еще только стояла на пороге создания новой политической идеологии, и поэтому во многом еще опиралась на методы языческой традиции. Это в случае с Лактанцием проявилось как при создании образов правителей, так и в особенностях организации структуры текста и выбора источников. Как идеал, так и «антиидеал» правителя у Лактанция

настолько же отстоял от «аналогов», изображенных в произведениях других позднеантичных историков, и христианских, и языческих, насколько его произведение – от общелитературного контекста, в рамках которого было рассмотрено *De mortibus persecutorum* в настоящей работе. Идея божественного воздаяния императорам за их дела приблизила «О смертях» к образцам христианского историописания, в частности, к жанру церковной истории, но отнюдь не сроднило с ним произведение: поскольку, во-первых, эта идея была представлена здесь не целиком и отсутствовала в части, касающейся зависимости судьбы империи от религиозной политики императоров, а во-вторых, созданные Лактанцием портреты тяготели уже к языческой традиции и приблизили *De mortibus persecutorum* именно к ней.

Сочинение Лактанция вряд ли могло оказать сколь-нибудь заметное влияние на христианскую традицию историописания в смысле представлений об императорской власти: с ее более поздними представителями его объединяли только взгляд на дурного правителя как на жестокого и развратного деспота, притесняющего церковь, и идея божественного воздаяния императорам за их дела. Впрочем, даже здесь влияние Лактанция оказалось под вопросом, поскольку аналогичные идеи и взгляды выдвигал его современник Евсевий, куда более авторитетный среди христианских писателей, в том числе западных.

По взглядам на римских правителей и на институт императорской власти в целом Евсевий был наиболее близок к автору «О смертях»: совпали как оценки писателями персонажей, так и идея божественного воздаяния императорам, и взгляд на идеального правителя в первую очередь как на лояльного по отношению к церкви человека. Это, впрочем, вряд ли означало зависимость одного автора от другого – историки преследовали разные цели, обращали внимание в основном на разные события, да и закончены их произведения были не одновременно – во всяком случае, Лактанций вряд ли мог пользоваться трудом своего коллеги, тем более специально перенимать его идеи. Схожесть их работ в смысле взгляда на власть, полуязыческие представления о хорошем и дурном правителе, возвеличивание лояльности к христианам как главной положительной черты императора – это скорее стало результатом одинаковых впечатлений, полученных от главных в истории церкви событий начала IV века – «великого гонения» и Миланского эдикта. Сочинению Лактанция, благодаря этому, удалось занять уникальное место в позднеантичной литературе, как в силу особенной структуры, так и благодаря

оригинальной концепции императорской власти. Она не была уже целиком языческой, но в то же время – еще далеко не была христианской.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

Публикации в изданиях, включенных в перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, рекомендуемых ВАК:

1. *Никольский И.М.* De mortibus persecutorum Луция Фирмиана Лактанция: источники христианского историка // Вестник РГГУ. 2010. № 10. С. 223–230. (0,42 п.л.)

2. *Никольский И.М.* Образ идеального правителя в литературе вестготской Испании второй половины VII в. (по данным «Истории короля Вамбы» Юлиана Толедского) // Вестник РГГУ. 2010. №2 (45), С. 46–63. (1 п.л.)

Другие публикации:

1. *Никольский И. М.* Гонители церкви в изображении христианской латинской традиции историописания первой половины IV в. (по данным «De mortibus persecutorum» Луция Фирмиана Лактанция) // Историческая память. Люди и эпохи. Тезисы научной конференции. Москва, 25 – 27 ноября 2010 г. М., 2010. С. 210–213. (0,12 п.л.)

2. *Никольский И. М.* «История короля Вамбы» Юлиана Толедского – последний памятник вестготской историографии // Работа памяти. Сборник статей студентов и выпускников РГГУ. М., 2008. С. 108–133. (1 п.л.)

3. *Никольский И. М.* Клятва верности в политической идеологии вестготской Испании второй половины VII века (по данным «Истории короля Вамбы» Юлиана Толедского) // Древнее право, № 19. 2007. С. 172–183. (0,4 п.л.)

4. *Никольский И. М.* Луций Фирмиан Лактанций как историк: проблема источников «De mortibus persecutorum» // Восточная Европа в древности и Средневековье. XXI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Материалы конференции. М., 2009. С. 243–248. (0,3 п.л.)

5. *Юлиан Толедский.* «История короля Вамбы» // Кентавр / Centaurus. Studia Classica et mediaevalia. Вып. 3. 2007. С. 203–257. (2,2 п.л.)